

Слово редактора

ФРАГМЕНТЫ КОНТРИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ АНАЛИТИКИ

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: *Статья посвящена разработке контридеологической аналитики на основе исследовательского аппарата политической концептологии. Автор ставит под вопрос все (религиозные и светские) попытки придать войне законное и легитимное обоснование, а также институты, воплощающие данные попытки. При этом он опирается на свои многолетние исследования бюрократии, власти, государства, интересов, идеологий, а также на их современную модификацию¹. Рассматриваются проблемы самостоятельности мысли, поведения и действия; религиозные корни милитаризма; имперский тренд социально-политического развития; перспективы интеграции религиозного и светского отношения к миру.*

Ключевые слова: *контридеологическая аналитика; критика концептуальной, эмоциональной и поведенческой рутин; альтернатива свободы и родины; политическая бездарность; эмоционально-мировоззренческий комплекс.*

От первобытной дикости избавиться
можно, от мании же казаться тем,
чем ты не являешься, излечиться нельзя.

А. де Кюстин [Кюстин 2008]

В России обострилась проблема освобождения населения от языка и шаблонов советской и постсоветской идеологии. Власть провозгласила деидеологизацию и даже записала это в Конституцию РФ [Философия и идеология... 2018]. На деле она ради собственного оправдания внедряет в жизнь теневую, латентную, проникающую и включённую формы идеологии, которые порождают множество политических мифов. Ими переполнена вся публичная сфера страны [Рубцов 2018а: 98–129; Рубцов 2018б: 130–146; Рубцов 2018в: 147–166]. Распознавание их явного и скрытого обмана, принципиальной, функциональной и ситуационной политической лжи невозможно без выработки программы сопротивления шаблонам массового сознания, формам идеологии, исторической политике и пропаганде СССР/России [Дубровский 2010; Клямкин 2018; Пивоваров 2014]. Большинство населения страны пока не ставит перед собой такой задачи (о чем свидетельствуют замеры массового сознания на протяжении всего постсоветского периода), хотя она начинает осознаваться даже школьниками [«Если смотреть ТВ...», 2018]. Поэтому для философии и гуманитарных наук становится важной выработка контридеологической ана-

¹ См.: Макаренко 2016а; Макаренко 2018.

литики, направленной против всех современных идеологий и форм их бытования [Соловьев 2018а: 21–72; Соловьев 2018б: 74–84]. На мой взгляд, эта задача является предварительным (и сопутствующим) условием пересмотра накопленной в СССР/России на протяжении XX века концептуальной рутины. Предлагаемый текст является развитием идей, сформулированных в свежих публикациях автора [Макаренко 2016; Макаренко 2017; Макаренко 2018; Макаренко 2019].

Проблема самостоятельности мысли и действия

Каждый год в начале лета миллионы российских школьников сдают экзамены на аттестат зрелости. Но их нравственная, политическая и мировоззренческая зрелость была, есть и будет предметом публичных дискуссий. Эти дискуссии вдохновляются постулатом о самостоятельности мысли, поведения и действия каждого взрослого (зрелого) человека. Но опыт жизни в СССР людей, переживших СССР и сохранивших свою самобытность, показывает, что достичь такой самостоятельности невозможно без озарения «первоначальной сильной мысли» и выработки «непреклонной воли» [Солженицын 2015: 199, 251]. Здесь возникает множество вопросов. В том числе и такие: как представители основных советских/постсоветских поколений, социальных и профессиональных групп вырабатывали и продолжают создавать свою неповторимую шкалу ценностей, в которой осознание **различия** (конфликта) между любой официальной точкой зрения на общество и реальной социальной жизнью занимало и продолжает занимать центральное место? И какая индивидуальная пропорция истины и лжи вытекала и продолжает определяться данным различием, приобретая неповторимость разномыслия даже в условиях диктата одной государственной идеологии [Фирсов 2007] или нынешней «деидеологизации»?

Я думаю, в процессе ответа на эти вопросы нужно построить мост между художественной и мировоззренческой практикой А.И. Солженицына, В.Т. Шаламова и множеством других нравственно и интеллектуально честных, но менее известных, отечественных писателей, мыслителей и обычных людей – и аналитической политической философией, которая изучает отношение между силой, насилием, волей и свободой в конкретных обстоятельствах места и времени [Уильямс 2010; Мюрберг 2010]. Это необходимо для опровержения бытующего в общественном мнении, практической политике и социальных науках стереотипа об извечной противоположности между европейским и русским пониманием свободы и воли [Федотова 1998] и вытекающего отсюда шаблона о некоем «особом пути» России [Идеология «особого пути»... 2010]. Этот шаблон упирается в кардинальную проблему: какая ценность выше – свободы или родины?

При ответе можно исходить из когнитивно-политического постулата: история России XX века была воплощением абсолютного зла [История России. XX век: 1894–1939 2009а; История России. XX век: 1939–2007 2009б; Подорога 2015], которое накапливалось постепенно. Определение момента, когда оно перешло в постоянную характеристику русского общества и государства, может составить особую проблему. В любом случае невозможно пройти мимо факта: концепт «общего блага» был выработан европейской мыслью для обоснования свободы горожан от существующей религиозной и политической власти и нравственно-теологического, юридического, философского и политического обоснования правомерности сопротивления им каждым гражданином. Без такого сопротивления невозможно городское (или гражданское) общество [Скиннер 2018а; Скиннер 2018б]. Поэтому право на сопротивление власти образует необходимый элемент «общего блага» [Скиннер 2018б: 447–518]. Но этот концепт был использован Петром I накануне Полтавской битвы для **отождествления** собственной личной власти с его «попечением» об отечестве (вместо родины) и государ-

стве (под которым он понимал всю Россию как собственную вотчину) и требованием от каждого подданного принять смерть за родину (положить «жизнь за царя») как выражение «общего блага» всего населения [Хархордин 2011: 8–75]. На самом деле такое «общее благо» не имеет никакого отношения к конкретному множеству благ каждого индивида.

В истории европейской политической культуры «смерть за родину» была следствием длительного развития и воплощения республиканской традиции [Канторович 2015: 333–378]. В России к моменту начала Полтавской битвы все первоначала республиканской традиции были истреблены. Поэтому речь Петра I перед её началом была следствием традиционного апофеоза власти посредством подчинения физического тела царя его мистическому телу в целях патриотической пропаганды. Такая мистика и пропаганда воспроизводится большинством действующих на политической сцене России лиц и всеми социальными и политическими институтами вплоть до настоящего момента (хотя позади почти столетие официального «атеизма»). Из неё вытекает синтез насильственных военно-революционных методов управления обществом с постоянным расширением сферы господства политической бюрократии СССР/России над населением страны.

При этом совесть как главный критерий оценки мысли, поведения и действия каждого индивида в категориях личного выбора «жизни-смерти», «добра-зла», «свободы-необходимости-ответственности» исключалась из сферы социальных отношений и локализовалась на вершине власти, которая воплощала относительный и абсолютный произвол. Это порождало массовую смертность населения и преобразование мирного способа рассуждения на мышление в категориях насилия. Уже со времени гражданской войны обычный мирный гражданин воспринимал советскую власть как Бич Божий – комплекс наказаний непонятно за какие грехи². Государственное насилие культивировало примат и эстетизацию борьбы (войны), которая выходила за пределы морали и честного соперничества.

В результате массовый советский человек становился потенциальным преступником или машиной для убийства – по приказу или разрешению множества «главнюков» – в соответствии с определением русского князя, а затем рядового красноармейца Сергея Михайловича Голицына [Голицын 2010: 31–32]. Культивирование такой трансформации стало особым направлением воспитания и пропаганды, которые выводили верноподданных за пределы всех видов уголовной, политической, моральной, метафизической [Ясперс 1999] ответственности – в полном соответствии с тождеством мистического и физического тела верховного лица государства. Нынешняя акция «бессмертных полков» эксплуатирует данную традицию.

Религиозные корни милитаризма

Разумеется, данный процесс был подготовлен мировыми религиями [Рассел 2001]. В традиционных религиях необходимой частью человеческой природы считается война. Предполагается, что её невозможно искоренить из отношений между людьми. Все пространственно-временные определённости государств использовали священные писания для укрепления сложившихся в них систем власти. На протяжении столетий Библия как «Божье слово» оправдывала множество войн. Провозглашённый в Ветхом Завете монотеизм переплёлся с традиционной военной идеологией, которая базируется на связи сакрального и войны [Жирар 2010].

По мере контакта с властью все религии начинают способствовать войне. В христианстве связь мученичества с военным убийством образует основу концепта священной войны.

² Литература на эту тему громадна. Сошлюсь лишь на одно из пронзительных свидетельств [Жиркевич 2007].

В иудаизме, христианстве, исламе возникла идея оправдания войны, которая снимает ответственность с её инициаторов и исполнителей.

В Ветхом Завете сформулированы правила войны, регламентировано отношение к захваченным территориям, высказаны идеи универсальности войны (в которой Бог выступает инициатором наиболее жестоких сражений) и асимметрии справедливых и несправедливых войн в пользу первых [Минуа 2002]. Классическая, духовная, теологически-литературная и апокалиптическая интерпретация Библии квалифицируют войну как всеобщий феномен, средство поддержки богоизбранного народа и наказания за вероотступничество. Согласно рекомендациям Ветхого Завета, «вечный мир» установят победители после окончательной победы богоизбранного народа. В Библии сформулирована ретроспективная идея священной войны для использования в пространственно-временных обстоятельствах и футуристическая идея переплетения эсхатологии и священной войны, провозглашающая вечность войны. Каждая эпоха использовала в Библии только то, что укрепляло её идеологию. На протяжении столетий Библия оправдывала множество войн. По причине универсального монотеизма ответственность Библии больше ответственности священных писаний других религий. Поэтому в современной науке осознана необходимость полного отказа от использования Библии.

Все религии порождают всеобщий милитаризм, способствуя внутреннему миру и внешним войнам одновременно. Идеи о связи бога с народом, престижа военной силы и аморальности большинства человеческих действий впервые идеологически оформлены в иудаизме. По мере контакта с властью все религии способствуют войне. Подобно текстам других религий, Библия обосновывает традиционную идеологию войны.

В современном обществе переплелись религиозный праздник и война, ибо в обоих случаях отменяется запрет кровосмесительства и убийства. Война стала клапаном безопасности государственной машины и заняла место религиозного праздника. Идея справедливого Бога в иудаизме и христианстве оправдывает войну, снимая ответственность с инициаторов и исполнителей войны и соединяя силу и право. Возникает проблема отбрасывания всех (религиозных и светских) попыток придать войне законное и легитимное обоснование.

Христианский концепт духовной борьбы стимулировал внутренние религиозные войны с инаковерующими, которым приписывался статус «еретиков». Эти войны были исключительно жестокими и стали предпосылкой гражданских войн. Становление толерантности – это воспроизводство догмата Св. Павла (о несправедливости восстаний против власти по принципу «Нет власти аще не от Бога») внутри государств и одновременная стимуляция войн между государствами. Толерантность во внутренней политике означает секуляризацию и восхваление войны как средства решения споров между государствами. Становление современных государств связано с упрощением религиозной веры и унаследованием властью прерогативы священной войны. Эпоха колонизации способствовала тесному сотрудничеству армии и церкви в насаждении христианства. Становление регулярных армий и создание корпуса армейских священников отражает эту тенденцию. В XIX в. церковь связала свою судьбу с идеологией контрреволюции, а нация приобрела атрибуты Бога.

При становлении современных государств концепт священной войны трансформировался в противопоставление язычества и христианства, хотя оно было отвергнуто Макиавелли ещё в начале Нового времени [Берлин 2001]. Великий флорентиец показал, что христианство породило альтернативу «спасение души или основание государства» и конфликт христианина и гражданина. Человеческая природа навязывает политическую мораль, противоположную христианским заповедям. Идея возвеличивания государства – следствие языческого идеала гражданских доблестей. Христианство отрицает социальную солидарность, гражданские доблести и мешает создать государство, соответствующее интересам людей. Упадок

гражданского духа – следствие христианства. Христианские добродетели социально опасны. Единственная польза христианства – степень воплощения языческих добродетелей.

Современное общество культивирует конфликт языческой и христианской морали, а государство воспроизводит языческие добродетели. Вера в идеалы оправдывает фанатизм и насилие, а отказ от реализации языческих целей ведёт к варварству. Поэтому антитеза христианской морали и политической необходимости ложная. Политика не выходит за пределы добра и зла, а воспроизводит конфликт языческих и христианских ценностей, который всегда может принять форму священной войны. Язычество существует в оболочке христианства, а христианство воплощает языческие ценности. Христианская толерантность внутри государства способствует успеху агрессивной внешней политики. Языческая толерантность стимулирует патриотизм в оболочке исключительно военных доблестей, направленных на победу над соперниками и противниками по принципу «свой-чужой». Языческий героизм определяется местом героической эпохи в линейной концепции времени, магическим значением смерти героя, символикой хищных и домашних животных при освоении новых территорий [Михайлин 2005]. Связь ростовщичества с войной обусловлена совпадением иудаизма с христианством и использовалась во внешней и внутренней колонизации.

Имперский тренд

Распространённая схема «великие географические открытия – колониальная экспансия – империализм – деколонизация» не соответствует исторической реальности. Начало колонизации связано с обоюдной священной войной христианства и ислама [Marc Ferro 1997]. Обе религии считают торговлю формой священной войны. Страсть к деньгам – следствие распространения христианства и ислама. На первом плане европейской колонизации стоял Христос, а не богатство. Для исламской колонизации главное значение имела связь религии и языка. Общий фактор христианства и ислама – внутренняя война между представителями разных толков одного Священного писания. Религиозный энтузиазм, страсть приключений и жадность – предпосылки великих открытий и колонизации. После внутренней войны единоверцев обычно начинается внешняя экспансия. Внешняя и внутренняя священные войны способствуют сходству колониальной экспансии и империализма.

Россия создала эталон внутренней колонизации, в состав которого входят: превентивный захват прилегающих территорий и дискретность территориальной экспансии; соединение религии с армией по мере территориальных захватов; тождество распространения и цивилизаторской миссии религий; становление геополитических идеологий, в которых имперская символика господства переплелась с материальными интересами определённых групп; захват новых территорий обычно осуществлялся ради предотвращения угрозы гражданской войны; деиндустриализация колоний и специализация их сельского хозяйства состоит в выращивании непищевых продуктов. В результате империализм, колонизация и деколонизация переплелись [Там, внутри... 2012; Эткин 2013].

Колонизация – это реакция на различные виды внешнего и внутреннего ига (арабского, китайского, татаро-монгольского, исламского, христианского и пр.). Деколонизация – это смена верховной власти при неизменности сложившихся социально-экономических связей между метрополиями и колониями. Понятие и ценности цивилизации выполняют идеологическую функцию. Особое значение имеет двойная религиозность империализма – экспансия определённой религиозной веры в колонизированные регионы.

Колонизации усиливают внутренние конфессиональные конфликты. Главные понятия дипломатического словаря (государственные интересы, сфера влияния, превентивный захват территории, защита страны, таможенные тарифы и т. д.) скрывают территориальную экспан-

сию. Монетаризм воспроизводит колониальные отношения и структуры. Финансовый капитал и торговля оружием – критерии превращения страны в империю. Цивилизационный подход, системы права и экономики в значительной мере есть продукт колонизации [Алаев 2019].

Современный феномен религиозного фундаментализма воплощает связь священной войны и колонизации. Он включает ряд общих свойств: зависимость генезиса от темпов модернизации; образует продукт монотеизма в виде реакции на кризис религий, а также новую форму язычества; теоцентризм, национализм, авторитаризм; концепт священной войны; отрицание либерализма. Православный фундаментализм включает дополнительные свойства: архаическое воспоминание; догматизм, неспособность к диалогу и самокритике; отрицание культурных революций и междисциплинарных переходов. Католический и православный фундаментализм совпадают в следующих пунктах: реанимация империи как формы политического устройства; колонизация; теократия и национализм [Костюк 2000]³. Это позволяет определить православный фундаментализм как реликт бывшей официальной советской идеологии со всеми её качествами, включая идею борьбы обществ, цивилизаций и культур.

Россия длительное время была одной из империй Нового времени [Ливен 2007]. Сравнительно-исторический подход к империям включает анализ следующих крупных проблем: когнитивно-политические ловушки исследования империй и квалификация империй как безжалостного механизма эксплуатации природных и человеческих ресурсов; квалификация имперского управления государством как предпосылки успеха и поражения империй одновременно; описание империй как основы и стимула для становления и развития национализма, подрывающего их существование; изучение взаимодействия политических технологий и замороженных идеологий в империях; описание процедур выбора политических стратегий и решения проблем внутренней политики в периоды распада империй как следствия накопленной несвободы, не позволяющей найти адекватный ответ на множество вызовов современности. Каждая из этих проблем может дробиться на подпроблемы.

Но общие проблемы останутся тем более актуальными, чем более в политическом и научном пространстве будет пропагандироваться идеология «особого пути» России и вытекающий из неё концепт государственных интересов, который в России всегда обслуживал произвол политической бюрократии и политический курс. Анализ государственных интересов России в контексте османско-российской компаративистики и современных концепций государственных интересов (прежде всего М. Фуко и П. Бурдьё) позволяет рассматривать множество поставленных проблем как повестку дня публичной дискуссии, которая необходима для трезвого осмысления ситуации в современной России [Макаренко 2019]⁴.

³ Следует заметить, что в России постепенно накапливается опыт религиозного сопротивления внутренней колонизации. В регионах с распространением язычества, старообрядчества и новгородско-поморского православия осознана связь РПЦ с внутренней колонизацией России. Существенные моменты этой связи состоят в формулировке следующих принципиальных положений: христианство, ислам и марксизм – агрессивные идеологии; христианство – духовный источник коммунизма; РПЦ – имперская, оккупационная и антинациональная церковь; насильственное принятие православия есть духовное предательство; национальная культура противостоит православию, самодержавию и народности; связь РПЦ с силовыми и предпринимательскими структурами не способствует популярности православия; оно возрождается постсоветской политической бюрократией. Язычество, старообрядчество и новгородско-поморское православие содержат опыт сопротивления внутренней колонизации, культивируют идеи гражданского достоинства и свободного христианского демократического государства [Религия и общество 2002]. Одновременно иерархи РПЦ проповедуют языческо-христианский концепт священной войны [Костюк 2002].

⁴ Например, в настоящее время в мировом научном и политическом сообществе обсуждается правомерность присоединения Крыма к России. Высказываются противоположные точки зрения. При их оценке можно исходить из доказанной посылки: к истории присоединения Крыма и Кавказа к России применима идеология цивилизационной миссии Москвы и доктрина terra nullius, которые в процессе присоединения выступали в обрамле-

Мой подход к данной проблеме сложился в процессе многолетнего исследования бюрократии. Один из принципиальных выводов состоит в том, что государственные интересы и политический курс правительства не существуют без влияния ни них бездарного государственного аппарата. Бездарность входит в состав мысли и действия политической бюрократии (наряду с эпигонством, макиавеллизмом, эмпиризмом, волюнтаризмом, прагматизмом и интеллигентским самомнением). После 1985 г. по настоящее время власть СССР/России последовательно превращала в карикатуры либерализм, демократию, консерватизм, евразийство, патриотизм и любые другие ценности, которые она же официально провозглашала. Проблема сводится к выявлению и описанию меры бездарности в деятельности всех лиц, когда-либо подвизавшихся на отечественной политической арене. Однако в мемуарной и научной литературе пока преобладает тренд выяснения сравнительных достоинств больших и малых политических бездарей, причём не один из них даже удостоился чести войти в состав книжной серии «жизнь замечательных людей». Во многих случаях эта «замечательность» объясняется тем, что Россия до сих пор не преодолела персонализацию политических режимов [Краснов 2006] и не обеспечила приоритет закона над властью [Шейнис 2014]. Поэтому критерий бездарности можно предъявить в отношении всех политических решений, принятых руководством СССР/России на протяжении всего времени существования советской/постсоветской власти.

Для доказательства этого общего положения можно использовать пример Ханны Арендт, которая определяла Ленина, Сталина, Гитлера, де Голля и Адэнауэра как бездарей. А также её реконструкцию концепции политического таланта, которая базируется на определении политики как сферы объединения людей ради реализации определённых идей. В лекциях по политической философии Канта Арендт обосновала идею о взаимосвязи эстетического и политического отношения к миру и на этой основе поставила проблему дефиниции политического гения и таланта [Арендт 2012]. В процессе публичного осознания и обсуждения этой проблемы надо выявлять и систематически описывать все альтернативы, которые выдвигались при принятии всех политических решений, и оценивать сравнительные достоинства множества невоплощённых проектов – с учётом тех реальных кровавых и бессмысленных последствий, к которым привели уже принятые политические решения.

Пока что можно утверждать совершенно определённо: сталинское насилие вытекало из христианской телеологии спасения [Баберовски 2011]. Унифицирующие реформы РПЦ и Российской империи породили сепаратизм, который предполагалось с их помощью преодолеть. Центральная власть СССР создала условия для воспроизводства межэтнических противоречий. В истории Российской империи нации могли конституироваться лишь через отрицание существующего порядка. По мере завоевания Кавказа методы колонизации стали центральным элементом цивилизаторской миссии.

Правительство России вдохновляло и узаконило ущемление мусульман, но представляло его как дело рук армянских националистов. Одновременно оно учитывало стремления мусульман к равноправию лишь в той мере, в которой его можно было использовать против армян. Поэтому консенсус населения многонациональной империи с правительством был исключён.

В годы революции и гражданской войны все основные политические силы стремились превратить погромы в межнациональные войны [Булдаков 2010]. Русские на Кавказе поддерживали власть Советов и сохранение империи одновременно. Поэтому диктаторские тенден-

нии «еврейской угрозы» и антисемитских убеждений, пропагандируемых популярными печатными изданиями. Историки показали, что русское общество начало заражаться вирусом империализма после завоевания Россией Крыма. Россия покорила Крым по стратегическим соображениям, ради воплощения в жизнь «южного проекта» и связанных с ним множества будущих войн [Нольде 2013].

ции революции на Кавказе опережали аналогичный процесс в столице. Новые властители на Кавказе оказались социал-шовинистами, оккупантами и насильниками, первым воплощением которых стала Бакинская коммуна. Русская и советская власть на Кавказе отличалась политическим двоедушием.

Право народов на самоопределение на Кавказе реализовывалось в виде этнических чисток. Институционализация этнического начала коренилась в стратегическом мышлении революционеров и в выводах из гражданской войны. Русские коммунисты усилили колониальную практику своих предшественников. В результате местное население воспринимало новый режим прежде всего как «русский», а не социалистический. Большевики воспроизвели взгляды царской бюрократии, которая считала современным то, что укладывалось в понятия «христианский» и «европейский» модерн.

Большевики рассматривали национализацию («коренизацию») управленческого аппарата и этнизацию политики как необходимый инструмент курса на выравнивание уровня экономического развития и средство преодоления недоверия со стороны инородцев. СССР символизировал признание советской властью нации как организационного принципа империи. На деле русская революция привела к победе традиции, обернулась триумфом варварства, прорвавшего тонкий покров европейской цивилизации в России и на её периферии. Советское государство усилило все формы имперского и этнического господства, а его государственный аппарат подливал масло в огонь междоусобиц.

Все процессы, протекающие на современном Кавказе, могут рассматриваться с точки зрения подтверждения (или опровержения) указанных выводов. Для этого необходимы конкретно-социологические исследования, свободные от советских имперских и националистических шаблонов: «Советский Союз был варварским государством. И люди в нем тоже были варварами, тем более на исламской периферии. Поэтому нового человека приходилось создавать из ничего... В центре внимания историков должно оказаться то, что в историографии о сталинизме до сих пор практически не попадало в поле зрения исследователей: отношение человека к религии, противоположному полу, моде и праву. Ибо именно здесь кроется ключ к пониманию сталинизма. Насилие как печать сталинистского террора коренилось в конфликте непонятых миров» [Баберовски 2011: 565].

Анализ влияния советского варварства в виде множества конфликтов между «непонятыми мирами» на современные социально-политические процессы в России остаётся открытым. Исследование Й. Баберовски даёт материал для дискуссии о социальном контексте сталинизма. На ней можно обсудить его главный вывод: сталинизм родился на периферии; он вырос из конфронтации нацеленной на достижение единообразия и однозначности идеологии с убожеством условий жизни и культурно-бытовой разнокалиберностью этносов в многонациональной империи. «Характерной чертой этого стиля было то, что он черпал заимствования из культурного контекста, который сам же стремился разрушить. Очевидно, что феномен сталинизма можно понять только в его имперском измерении» [Там же: 517].

Политическая бездарность позднесоветского и постсоветского руководства России выражается в том, что оно ничего не сделало для исключения насилия из политической практики и теории. Наоборот, оно широко использовало военно-полицейские и религиозные структуры при переходе к «демократии». Поэтому требуется детальное изучение постсоветской практики насилия и манипуляции. Распады империй надо изучать по количеству пролитой крови и роли военно-полицейских и религиозных структур в сохранении центрально-периферийных отношений. При этом важно учитывать меру покорности имперских диаспор в постимперских государствах. Лозунги их защиты и неприкосновенности границ могут быть элементами политической манипуляции имперскими диаспорами со стороны прежней центральной власти. Предприятия ВПК стали предпосылками воспроизводства прежних имперских струк-

тур под прикрытием этнических идеологов. Эти структуры и идеологемы блокируют сознательный и независимый от власти политический выбор индивидов.

Воспроизводство имперской идентичности обусловлено также космополитизмом культуры, выраженной на одном языке, в котором сливаются государство и ментальность. На этой почве среди колонистов могут развиваться различные формы ностальгии по имперскому порядку. Современная российская риторика ностальгии по СССР нуждается в детальном изучении с учётом региональных особенностей «риторики реакции», которая мешает адекватно воспринимать распад империй как норму политического бытия современности [Хиршман 2010].

Анализ отличий и сходств процессов распада империй необходим для описания процесса воплощения данной нормы в конкретных пространственно-временных обстоятельствах. При этом важно учитывать соотношение военных и мирных состояний периодов распада, а также уровень экономического развития страны, материального благосостояния населения, политической культуры верхов и низов. В любом случае процессы распада империй можно воспринимать не только как трагедию, но и как комедию, для описания которой можно использовать язык и образы Я. Гашека, Д. Хеллера, В. Войновича и других сатириков. В состав этой современной и далеко не божественной комедии входит анализ проблем государственной политики в соотношении с проблемами физического и нравственного выживания населения в результате распада империй.

Тождество имперского бытия и демократии выражается в политическом цинизме, пустословии, маскировке коррупции, неравенства, нищеты и преступности. Победа в войне способствует дезориентации массового сознания и сознания элит. По этому критерию могут устанавливаться пропорции сходства и различия процессов распада империй, в том числе соотношения в них имперских и национальных стереотипов поведения и мышления. В целом распады империй являются формами проявления типичных постимперских кризисов в сфере экономики и политики. Они обычно порождают парадоксы политического бытия, которые могут квалифицироваться как симптомы вялотекущей политической шизофрении⁵.

В периоды распада империй надо учитывать противоречие между имперской знатью и националистической интеллигенцией. Власть знати воспроизводит власть политических монополий, опирающихся на ВПК. Националистическая интеллигенция может господствовать в центрах образования и культуры. Это противоречие блокирует условия для развития современной капиталистической экономики. В настоящее время в России существуют обе тенденции, которые определяют различия сценариев развития будущего. Наибольшей угрозой России является симбиоз постсоветской политической бюрократии с мировым капитализмом. Он объясняется географическими и историческими причинами, типичными для периодов распада других империй. Российская империя/СССР всегда стремились избежать честного соревнования с другими государствами при помощи силового или политического воздействия. Царская и советская Россия не смогли выиграть экономическую конкуренцию с европейскими державами. Та и другая устанавливали прямой политический контроль над соседними регионами и рынками для компенсации экономической слабости. Такова причина войн на постсоветской территории, а также лансирования в России имперских претензий неоевразийства как разновидности «доморощенных идеологий» типа Новороссии (Ливен). С этой точки зрения устарелость идеи империи ещё не означает её физической смерти. Имперские институты продолжают существовать, образующие их люди благополучно здравствуют и продолжают практику идеологического найма.

⁵ Литература на эту тему тоже громадна. Укажу здесь только два свежих свидетельства, которые могут использоваться для конкретизации общих положений [Авен 2019; Воцанов 2019].

***Проблема становления мысли,
независимой от политической бюрократии***

Для выработки критического отношения к сложившейся ситуации необходимо развитие независимой мысли в конфронтации с прежним и нынешним духовным режимом России. От П. Чаадаева и де Кюстина идёт традиция, в которой фиксируется равнодушие русских к истине. В XX в. А. Койре зафиксировал феномен равнодушия к истине при исследовании внутреннего противоречия «правительственной философии» в России в начале XIX в. [Койре 2003]. Политические аспекты противоречия определялись заменой политики международной реакции (типичной для периода Священного союза) на политику внутренней реакции (характерной для периода царствования Николая I). Конкретные проявления указанной риторики изучены Койре в составе различных вариантов «правительственной философии» (Голицына, Магницкого, Рунича и т. п.). Все они являются региональными вариантами универсального тренда риторики реакции, которая существует до настоящего времени. Правительственная философия всегда персонифицирована.

Например, всем известна фигура К.П. Победоносцева – политического эпигона реакционного направления социально-философской мысли в России, который был «...всегда готов содействовать обращению неуважаемого им человека в уважаемый труп» [Амфитеатров 1996: 327]. Но его антропологические качества противоположны качествам И.С. Аксакова: «Грубая фигура Ивана Аксакова сильно исчернена реакционными пятнами, но это был, даже и в реакции, человек честный, не доносчик, не холоп, не выгодчик, не сыщик, не «чего изволите» барского крыльца, а, главное, не подъячий и не опричник» [Там же: 325]. Иначе говоря, внутри одного и того же направления мысли могут существовать люди с противоположными нравственно-политическими качествами.

Проблема в том, что перечисленные качества связывают реакционное и революционное направление российской мысли XIX и XX вв. Например, В.Т. Шаламов в конце 1920-х гг. (и в начале своего первого тюремного срока) выработал для себя кодекс поведения, который был присущ всем русским революционерам, и в состав которого входили те же свойства, которые А. Амфитеатров зафиксировал у И.С. Аксакова и которые начисто отсутствовали у Победоносцева⁶.

Требуется сопоставление указанных качеств с особенностями характера и поведения лиц, участвующих во всех направлениях политической мысли и практики, а также причастных к выработке политики в области религии, философии, морали и образования на протяжении XIX–XX вв. Речь идёт о выявлении нравственно-политических пропорций в различных направлениях экономической, социальной и политической мысли и практики всех государств. Такая работа уже идёт под общей рубрикой «антропологического поворота». Однако в этом «повороте» проблема соотношения политической истины и лжи не рассматривается

⁶ «Я установил для себя несколько обязательных правил поведения. Прежде всего: я не должен ничего просить у начальства и работать на той работе, на какую меня поставят, если эта работа достаточно чиста морально. Я не должен искать ничьей помощи – ни материальной, ни нравственной. Я не должен быть доносчиком, стукачом. Я должен быть правдив – в тех случаях, когда правда, а не ложь идёт на пользу другому человеку. Я должен быть одинаков со всеми – высшими и низшими. И личное знакомство с начальником не должно быть для меня дороже знакомства с последними доходягой. Я не должен ничего и никого не бояться... Я никого не прошу мне верить, и сам не верю никому. В остальном – полагаться на собственную интуицию, на совесть. Так я начал жить в лагере, все время думая о том, что я здесь – от имени тех людей, которые посланы сейчас в тюрьмы, ссылки, лагеря. Но это я должен только думать про себя, помнить, что каждый мой поступок и друзья-ми, и врагами будет оценён именно с этой, политической, стороны. Быть революционером – значит прежде всего быть честным человеком. Просто, но как трудно» [Шаламов 1998: 182–183].

как базисная для формулировки универсального критерия политической истины в конкурирующих проектах любой правительственной политики.

На протяжении XX века шли споры об истоках ленинизма. Почва для них была подготовлена самим Лениным, который провозгласил себя верным и строгим последователем Маркса. Н.А. Бердяев считал русский коммунизм Ленина трансформацией и деформацией старой русской мессианской идеи. «В этом споре двух крайностей, каждая из которых указывает на влияния из прошлого, была полностью упущена третья альтернатива: Ленин, долгие годы проживший в и в других местах Западной Европы, мог находиться под сильным влиянием современной ему европейской атмосферы, пропитанной ядовитой нутряной враждебностью к демократии. На эту атмосферу, выражение которой можно найти в трудах Парето, Сореля и многих других, нередко возлагалась ответственность за возвышение фашизма. На мой взгляд, данная альтернатива заслуживает куда больше доверия» [Хиршман 2010: 160].

Я думаю, что проработка различных пространственно-временных аспектов евросоветской причины «ядовитой нутряной враждебности к демократии» поможет более конкретно описать официальных философов тоталитарных режимов. При этом можно использовать типологию социальных фигур для изучения манипулятивных отношений в современном обществе, снимающих противоположность истины и успеха [Макинтайр 2000]. В этом случае академическая теория истины вынуждена вступить в битву с концептом успеха – одним из популярных продуктов современного массового общества. Битву придётся вести без особой надежды на победу, поскольку прагматистская концепция истины связывает духовный режим с правительственной философией.

Надо учитывать воспроизводство стереотипов официальной правительственной философии в нормативных антропологических образцах. Например, образец советского (русского, тоталитарного) человека включает представления: об исключительности, особости, превосходстве или несопоставимости его с другими народами; его «принадлежности» государству (ожидание «отеческой заботы от начальства» и контроля над собой, принятие произвола властей как должного); уравнивательные антиэлитарные установки; соединение превосходства с ущемлённостью (комплекс неполноценности). Все это пропагандируется нынешними СМИ и прямо или косвенно связано с воспроизводством универсальных и локальных трендов реакционной риторики [Гудков 2016: 30].

Война – главный элемент социального контекста лжи. Общая проблема контекста изучается в трудах по социальной и культурно-исторической эпистемологии, но война как социальный контекст лжи в данных работах не рассматривается. С другой стороны, в литературе, посвященной анализу современной войны как социального явления, место и роль лжи в процессе выработки и осуществления военных операций тоже не описывается. В результате любой исход военных действий можно представить как успех [Арон 2000]. Надо учитывать, что на протяжении существования СССР и современной России войны были постоянным фактором социальной жизни, и сегодня издаются книги о «неизвестных войнах». В результате секьюритизация пронизала всю сферу выработки и проведения политики [Гольц 2004; Гольц 2005]. Появление информационных войн в России свидетельствует об институционализации всех факторов лжи [В Минобороны...].

Теория насилия Х. Арндт может рассматриваться как развитие идеи о совпадении лжи и насилия, первоначально сформулированную в её эссе «Истина и политика». Сверхзадача Х. Арндт – создание такой концепции политического таланта, которая предполагает оперативное обнаружение новых тенденций в отношении между ложью, насилием и политикой и сопротивление им «здесь и сейчас» – в соответствии с её определением политики как сферы объединения (а не разъединения) людей для противоборства существующей власти.

К числу таких тенденций относится осознание переворота в отношениях между властью и насилием. Анализ данного переворота включает критику идей и практики национальной независимости, государственного суверенитета, революции, прогресса и всех идеологий как практических воплощений культа насилия и всеобщей государственной рутины. При этом освоение опыта сопротивления довоенного и послевоенного поколений данным тенденциям приобретает ключевое значение, поскольку в нем отразилось многообразное насилие государства над обществом в сфере международной и внутренней политики. Х. Арендт использует все результаты анализа для переосмысления традиционной связи между войной и политикой.

Для развития концепции Х. Арендт её нужно дополнить анализом эмпирического материала, в котором содержатся секретные данные обо всех войнах, революциях и спецоперациях политической полиции в каждом конкретном государстве на протяжении второй половины XX века. СССР/Россия здесь могут служить одним из эталонов, поскольку роль институтов насилия в нашей стране была и остаётся высокой [Клямкин 2011: 261–306; Пастухов 2011].

На афганской войне произошло полное крушение веры в государство, оно стало предметом ненависти. Одновременно война превратилась в разновидность бизнеса. Приказы советского правительства соединяли ложь, насилие и бесчеловечное отношение к мирным жителям и собственным солдатам. Советская армия превратилась в машину, функционирующую на основе синтеза лжи и насилия. Поэтому все официальные версии событий и вытекающие из них информационные войны надо поставить под вопрос, поскольку они укрепляют деятельность этой машины [Алексиевич 2013; Алексиевич 2018].

После второй мировой войны в СССР произошло *сращивание* официальной политической лжи с международной и военной политикой СССР. Война стала важным направлением государственных интересов, расходов, карьеры и заработка ведомств и лиц, причастных к ее проведению. Эти интересы сказались при распаде СССР, когда Москва стала закулисным участником переворотов и сепаратистских конфликтов и регулярно применяла для их «решения» рычаг тайных операций [Дерлугьян 2010]. Обретённый за рубежом опыт стал применяться внутри страны – в соответствии с теорией бумеранга, сформулированной Розой Люксембург и развитой Ханной Арендт [Люксембург 1991].

Возникает возможность развить теорию Ханны Арендт за счёт тематики, о которой она упоминает, но детально не анализирует. В частности, И.М. Клямкин осуществил первичную систематизацию, в которой фундаментальная проблема взаимосвязи лжи, насилия и политической бездарности переводится на уровень анализа ежедневного процесса выработки государственной политики и пропаганды России в процессе «нелегальной войны» между Россией и Украиной – и сопротивления ей на всех участках, темах и направлениях. Это даёт возможность связать общие теории войны и мира (включая концепцию Арендт) с проблемой адекватного описания каждой конкретной войны XX века и всех нелегальных войн СССР/России с выявлением меры официальной государственной лжи по поводу каждой из них в целом, а также в отношении наиболее важных событий войны [Клямкин 2018].

Искушение заменить власть насилием стало всеобщим. Ханна Арендт выработала теоретические средства его описания. Насилие надо анализировать как самостоятельный анонимный феномен, воплощённый в институтах государства. Любая мотивировка бессловесного повиновения граждан существующей власти сомнительна с когнитивной и подозрительна с политической точки зрения. Любая ссылка представителей государственной власти на то, что её поддерживает большинство, скрывает насильственный потенциал существующей власти. Всю сферу государства и политики надо тщательно проверить на предмет наличия (отсутствия) в них феноменов, способствующих отождествлению власти с насилием. Власть не

сводится к её любым институционализированным и огосударствленным формам. Требуется систематизация репрезентативных источников, которые позволяют обнаружить нетождественность власти и её институционализированных и государственных форм в конкретных социально-исторических обстоятельствах.

Ханна Арендт создала один из важнейших теоретических источников, фиксирующих нетождественность власти и насилия. В его состав входит история, теория и практика европейских революций XVIII–XX вв., которые преобразовались в тоталитарное господство. Для выяснения модификаций данного господства требует анализ феноменов и институтов внутреннего насилия, легитимности, оккупации и коллаборационизма. Повиновение власти не является её поддержкой, а легитимного насилия не существует. Поэтому вся традиция Макса Вебера подлежит переоценке, а все надындивидуальные и вневременные (религиозные и светские) трактовки государственной власти, которые смешивают повиновение власти с поддержкой власти, надо отвергнуть. Бюрократия – это введение практики насилия в государство и политику. В итоге этого процесса возник универсальный феномен бессилия власти, который выражается в процессах социального и политического распада.

Надо применить к описанию СССР/России сухой остаток размышлений Арендт о бюрократии как воплощении насилия. Наша страна может служить эталоном по преобразованию явного насилия в постоянно действующий фактор внутренней войны правительства с населением на протяжении последних пятисот лет. Проблема сводится к разработке программы конкретно-социологических и политологических исследований, базирующихся на идее взаимосвязи феноменов насилия и бессилия власти. Разработка данной программы может базироваться на конкретизации описанных общих положений с учётом анализа ситуации, сложившейся в современной России. Предпосылки такой программы я сформулировал в книге о русской власти (ещё не зная трудов Ханны Арендт), обосновав различие между силой и успехом власти [Макаренко 1998: 90–105].

Для развития теоретических констатаций Ханны Арендт можно использовать исторический материал, посвящённый анализу коллаборационизма. Советская оккупация Восточной Польши, Бессарабии и Прибалтики в соответствии с договором между Сталиным и Гитлером стала подготовительным периодом нацистской оккупации [Piasecki 2003; (Две) стороны 2013]. Отсюда вытекает, что в оккупации население СССР вынуждено было делать выбор из двух видов зла. Обзор тем для дискуссии выглядит следующим образом.

Требуется систематизация преступлений советской власти против своего народа, которые были совершены до и во время советско-нацистской войны и способствовали коллаборационизму [Семиряга 2000]. Опыт выживания населения под немцами показал, что коллаборационизм есть средство борьбы между различными социальными и национальными группами, которая опирается на помощь оккупантов [Александров 2011]. Нацисты способствовали развитию партизанского движения на оккупированной территории. Выбор национальной идентичности в условиях войны опирается на утилитарные соображения. Немцы не оправдали надежд значительной части населения оккупированных территорий на освобождение от советской власти.

Представители советского партийно-государственного и чекистского аппарата первыми бежали от немцев и первыми пошли служить немцам. Немецкая оккупация началась с «призвания коммунистов на царство». Возникло тождество между гражданской немецкой властью и властью НКВД.

Взаимоотношение между немцами и населением на протяжении фаз оккупации менялось от дружбы до вражды. Взаимозависимость между русскими и немецкими учреждениями колебалась под влиянием личных отношений. Немцы в массе оказались взяточниками. В число деталей оккупации входит положение местной промышленности, продовольствия,

рынка, образования, медицины и церкви, и специфические показатели благополучия жизни при оккупантах. Коммунисты при оккупации пострадали меньше остального населения.

Первые годы войны с Германией могут служить критерием для суждения о государственном инстинкте населения России. Именно тогда проявился в чистом виде русский политический и национальный инстинкт, который действовал в условиях полного отсутствия политической и общественной организации. Большинство народа осознало, что сталинское государство существует за счёт грабежа народа, а также своё право вернуть себе награбленное государством.

Гражданская администрация была пёстрой, поскольку население инстинктивно стремилось к созданию демократических органов власти. Демократическая тенденция переплеталась с социалистической, что выразилось в различных видах государственного творчества. В оккупации была сохранена суть советского строя. Это объясняется сходством нацизма и большевизма в управлении массами. Оккупационный государственный строй был приспособлен для военных нужд Германии и почти буквально повторял советскую власть.

Во время оккупации возник стихийный религиозный подъём, который выразился в синтезе народной религиозности с политической мыслью и действием. Этот синтез был направлен одновременно против советской и нацистской власти.

Фигура радикального контестатора

В такой ситуации полезно обратиться к опыту современного православного мыслителя А. Шмемана, который называл себя радикальным контестатором⁷. Предпосылки позиции радикального контестатора начали формироваться в ранней юности Отца Александра, когда он впервые противопоставил православие дешёвым брошюр тихому и безмолвному православию. В зрелые годы Шмеман противопоставлял собственные лекции, проповеди и тексты всем разновидностям православного церковного душеповедения – «духовному руководству», «научному руководству», «духовным разговорам», «воспитанию» и «обсуждениям». Все эти виды деятельности он брал в кавычки, выражая критическое отношение к ним. Поэтому критика всей сферы религиозной пропаганды – исходный пункт позиции радикального контестатора.

Отец Шмеман использовал слово «контестатор» при обсуждении вопроса: как объективная «вера Отцов и Церкви» становится субъективной и личной? Позиция радикального контестатора вбирает в себя несколько общих когнитивно-аксиологических способностей индивида: видеть и критиковать недостатки и ложь той конфессии и мира, к которому принадлежит данный индивид по рождению, воспитанию, вкусам и убеждениям; видеть и учитывать достоинства и истины противоположных конфессий и миров; консерватизм и традиционализм; отвращение к диалектике, целостному мировоззрению, идеологиям; акцент на художественную сторону любого интеллектуализма; открытость миру и незавершённость мировоззрения.

Радикальный контестатор – это тот, кто сознательно культивирует в себе перечисленные способности и нормы и обращает критику прежде всего против той религии, церкви и

⁷ Термин «контестатор» в русском языке используется редко и означает служителей церкви и рядовых верующих, которые критикуют церковную иерархию, включая Папу Римского. Такой смысл термина появился после Второго Ватиканского собора. Он означает сопротивление социальной и политической системе посредством публичных высказываний (вербальных и невербальных) и поведения. Термин эволюционировал от латинского слова *contestor, contestari* (означающего подтверждение, апелляцию к свидетельству высшей инстанции) до французского слова *contestation* (означающего сомнение, спор, отрицание). В настоящее время термин связывает в себе оба значения. Контестация – это одновременное отрицание существующей действительности и утверждение ценностей, во имя которых она ставится под сомнение. Принято выделять политическую, религиозную, экономическую и социальную контестацию. Любое отношение к миру (мироощущение, мировоззрение) может выражаться в слабой, умеренной и сильной (радикальной) формах.

мира, к которой он принадлежит. В этом смысле жизнь, деятельность, мысль и духовное творчество Шмемана могут служить примером не только для прихожан и служителей православных церквей, но и представителей других конфессий, а также направлений светской мысли.

Позиция радикального контестатора парадоксальна: любовь к православию с одновременной нелюбовью к Православной Церкви: «Я люблю Православие, я не люблю, не могу любить Православной Церкви, торжествующих в ней номинализма, инерции, триумфализма, властолюбия, обожествления прошлого, псевдодуховности и бабьего благочестия» [Шмеман 2007: 248]. Позиция радикального контестатора невозможна без противостояния и отчуждения индивида от большинства верующих той конфессии, к которой он принадлежит по рождению или самостоятельному выбору. Выработка такого противостояния и отчуждения предполагает любовь к неверующим в процессе формирования и культивирования собственной веры.

Иначе говоря, выработка позиции радикального контестатора невозможна без творчества как индивидуального модуса Царства Божьего! В творчестве происходит слияние веры и знания, религиозного и секулярного отношения к миру. Оно предполагает критическое отношение к избранному индивидом варианту служения людям – при условии исключения из такого служения всякой риторики, искусственности, мелочности и самолюбия. Позиция радикального контестатора невозможна без отбрасывания полной идентификации индивида с любой социальной общностью.

С этой точки зрения особенно важны суждения Шмемана о соотношении родины, нации, государства и личности. Эти суждения можно рассматривать как современный православный вариант классического католического концепта «смерти за родину» [Канторович 2015: 333–378]. По мнению Шмемана, личность онтологически выше нации, поскольку она противопоставляет себя всякому безличному коллективу и может воплотить себя вне и безотносительно к нации. Например, никакого чувства «итальянской нации» у Данте не было. Было «чувство» Флоренции – то есть *родины*. Чувства родины, нации (народа) и государства противостоят друг другу. Источник путаницы данных чувств Шмеман усматривал в том, что три совершенно разных понятия сливаются в одно, тогда как на деле они различны даже в элементарном опыте.

«Родина» – это почти физическая связь с местом, с детством, со всем тем, что дало впервые «вкусить всю радость бытия». Для Шмемана родиной в непосредственном смысле была Франция (точнее, Париж), куда его всегда тянуло как на «родину». Но он никогда не принадлежал к французскому «народу» и не считал Францию своим «государством». Принадлежность к народу – плод воспитания, а не кровной связи. С этой точки зрения еврей Манделштам был нераздельной частью русского «народа». «Имея «родину» во Франции, будучи частью русского «народа», – пишет Шмеман, – я ощущал США *своим* государством. Но что из всего этого – «соборная личность»? Кроме родины (связь с которой не выбирают и которая потому «дана» как факт) все остальное. В этом смысле (главном) – это Церковь, в других (вторичных и не исключаящих один другого) – это русский народ, Америка, эмиграция и меньшие «единицы» (семья, конечно...). Богословски это можно выразить как возможность для каждой *личности* (ипостаси) ипостазировать разные *природы*.

«Личность сама по себе «соборна», – выносит вердикт Шмеман, – может и должна в себе самой соборовать и соединять разделённое по «приодам», и теоретически предела этому «соборованию» нет, или, вернее, полнота его во Христе, Богочеловеке, соединяющем в Себе *все*. Таким образом, личность есть также и преодоление ограниченности всякой «природы» и, следовательно, *суд* над нею. Всякий «национализм» есть отказ от этого суда, подчинение личности природе, тогда как смысл и сила личности в том, чтобы победить, очистить и преобразить природу» [Шмеман 2007: 148].

Короче говоря, понятие родины органически связано с рождением души. Это прошлое не в смысле «событий» или принадлежности к определенным общностям (типа народа, нации и государства), а детский взгляд на жизнь при посещении мест, где прошло детство. Отсюда нетрудно вывести следствие: если индивид не выработал у себя надлежащую душу и не обладает в зрелом возрасте детским взглядом на жизнь, то ни о каком чувстве родины речи быть не может. Ещё более важно культивирование способности критического суждения о нации, государстве и других общностях, к которым индивид принадлежит.

Итак, позиция радикального контестатора – это стремление выйти за пределы противопоставления веры и знания, родины, нации и государства, личности и творчества – при условии их органического соединения в одном лице. В этом смысле позиция радикального контестатора не может считаться завершённой, поскольку её создание длится на протяжении всей жизни.

Позиция радикального контестатора – это сложный и дифференцированный экзистенциально-мировоззренческий комплекс, который выражается в следующих конкретных коннотациях: квалификации всей современной цивилизации и культуры как грешной и еретической и описание множества её модусов (включая религию как мировоззрение и способ социальной организации) как воплощения греха и ереси; отрицательном отношении к богословию в той степени, в которой оно оторвано от культуры и является «богословской гоголевщиной»; квалификации эгоизма религии и Церкви как двусмысленной, опасной и страшной; презрении к религиозным разговорам, религиозной суеде, организации религиозной жизни, спиритуализму и уходу из истории; отвращении к психологизации веры и психотерапии; отрицательном отношении к модернизму во всех его разновидностях; отрицательном отношении к современной школе и молодёжи; отрицательном отношении к национально мыслящей русской эмиграции, к национальной квалификации продуктов духовного творчества (типа «русская мысль» и т.п.), к спорту как предмету национального престижа, к национальной независимости и Советской России в особенности; безусловное отрицание ценности жизни при любой диктатуре и авторитаризме.

Все перечисленные коннотации являются негативными. Однако в позиции радикального контестатора есть безусловно позитивные утверждения: одобрение бескорыстной дружбы, которая основана не на делах и идеях, а на «хорошо быть вместе» [Там же: 573]; отрицание «...основной «аксиомы» Антихристового добра: что жизнь всегда, при всех условиях – лучше смерти. А это, в свою очередь, снимает другой, более важный, более «основной» вопрос: «за что» стоит жить? Сколь ни «труден» христианский ответ, он абсолютно ясен: жизнь «жительствоует» по-настоящему только тогда, когда человек готов «положить её за други своя...» [Там же: 643].

Вместо выводов

Общая проблема контридеологической аналитики смещается к поиску в светском и религиозном знании таких элементов, которые привели Отца Александра к формулировке позиции радикального контестатора. Эта позиция включает множество кратко описанных здесь крупных проблем и частных констатаций, которые могут меняться местами в зависимости от целей конкретных исследований и сферы их возможного применения. В любом случае позиция радикального контестатора – это стремление выйти за пределы противопоставления веры и знания, родины, нации, государства, личности и творчества – при условии их органического соединения в одном лице. Но это условие никогда не может быть реализовано, поскольку воплощение абсолюта (идеала) невозможно по определению. В этом смысле позиция радикального контестатора не может считаться завершённой, её создание длится на протяжении всей жизни и передаётся следующим поколениям.

Таким образом, речь идёт о детальном описании всех элементов позиции радикального контекстатора и её применению к современному состоянию падшего мира, включая Россию как безусловный элемент этого мира. В современном православии ресурс для этого имеется – и он вдохновляет на дальнейшие поиски. На этом пути могут устанавливаться индивидуальные модификации сочетания и противоборства осознания, выбора, решения и практических действий в составе экзистенциально-мировоззреческого комплекса, лишь фрагменты которого здесь обсуждаются.

«Если смотреть ТВ... 2018. «Если смотреть ТВ, можно пропустить все самое интересное в жизни...». Размышления белгородских школьников. – *Дружба народов*. – № 5. – С. 229–248.

Авен П.О. 2019. *Время Березовского*. – М.: Изд. АСТ: CORPUS.

Алаев Л.Б. 2019. *Проблематика истории Востока*. – М., Ленанд.

Александров К. 2011. *Под немцами: воспоминания, свидетельства, документы*. – М.: Скрипториум.

Алексиевич С. 2013. *Цинковые мальчики*. – М.: Время.

Алексиевич С. 2018. *Время секунд хэнд*. – М.: Время.

Амфитеатров А. 1996. Победоносцев как человек и как государственный деятель. – *К.П. Победоносцев: pro et contra*. Вступ. ст., сост. и примеч. С.Л.Фирсова. – СПб.: РХГИ.

Арендт Х. 2012. *Лекции по политической философии Канта*. Пер. с англ. А.Глухова. – СПб.: «Наука».

Арон Р. 2000. *Мир и война между народами*. Под общей ред. канд.полит.наук Даниленко В.И. – М.: NOTA BENE.

Баберовски Й. 2011. *Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе*. – М.: РОССПЭН.

Берлин И. 2001. Оригинальность Макиавелли. – *Человек*. – № 2–4. – Доступно: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/ECCE/PRINCE.HTM>. – Проверено: 17.05.2019.

Булдаков В.П. 2010. *Хаос и этнос. Этнические конфликты в России. 1917–1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ*. – М.: Новый хронограф.

В Минобороны РФ создали войска информационных операций. – Доступно: <http://www.interfax.ru/russia/551054>. – Проверено 27.02.2016.

Вощанов П.И. 2019. *Ельцин как наваждение. Записки политического проходимца*. – М.: «Алгоритм».

Голицын С.М. 2010. *Записки беспогонника*. – М.: Русский мир.

Гольц А. 2004. *Армия России: 11 потерянных лет*. – М., Захаров.

Гольц А.М. 2005. *Российский милитаризм – препятствие модернизации страны*. – М.: Фонд «Либеральная миссия».

Гудков Л. 2016. Социология Юрия Левады. – *Левада Ю.А. Время перемен: предмет и позиция исследователя*. – М.: НЛЮ.

Дерлугьян Г.М. 2010. *Адепт Бурдые на Кавказе: эскизы к биографии в миросистемной перспективе*. Авторизованный пер. с англ. – М.: Изд.дом «Территория будущего».

Дубровский Д.И. 2010. *Обман. Философско-психологический анализ*. Второе, доп. изд. – М.: Канон+РООИ «Реабилитация».

Жирар Р. 2010. *Насилие и священное*. – М.: НЛЮ.

Жиркевич А.В. 2007. *Потрявоженные тени... Симбирский дневник* / Сост., предисл. и прим. Н.Г. Жиркевич-Подлесских. – М.: Этерна-принт.

- Идеология «особого пути»... 2010. *Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия*. Под ред. Э.А. Паина. – М.: Три квадрата.
- История России... 2009а. *История России. XX век: 1894–1939*. Под ред. А.Б. Зубова. – М.: Астрель: АСТ.
- История России... 2009б. *История России. XX век: 1939–2007*. Под ред. А.Б. Зубова. – М.: Астрель: АСТ.
- Канторович Э.Х. 2015. *Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии*. Изд. второе, исправленное. Пер. с англ. М.А. Бойцова и А.Ю. Серегинной. – М.: Изд-во Института Гайдара.
- Клямкин И.М. 2011. Демилитаризация как историческая и культурная проблема: доклад на семинаре «Куда ведёт кризис культуры» в фонде «Либеральная миссия». – *Куда ведёт кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов*. – М.: Новое изд-во. – С. 261–306
- Клямкин И.М. 2018. *Какая дорога ведёт к праву?* – М.: Либеральная миссия.
- Койре А. 2003. *Философия и национальная проблема в России начала XIX века*. – М.: Модест Колеров.
- Костюк К. 2002. Три портрета: социально-этические воззрения в Русской Православной Церкви конца XX века. – *Континент*. – № 113.
- Костюк К.Н. 2000. Православный фундаментализм. – *Полис. Политические исследования*. – № 5.
- Краснов М.А. 2006. *Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа*. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006
- Кюстин А. де. 2008. *Россия в 1839 году*. Пер. с фр. О.Гринберг, С.Зенкина, В.Мильчиной, И.Стаф. – СПб.: Крига.
- Ливен Д. 2007. *Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней*. Пер. с англ. А. Козлика, А. Платонова. – М.: Европа, 2007
- Люксембург Р. 1991. *О социализме и русской революции: Избранные статьи, речи, письма*. – М.: Политиздат, 1991
- Макаренко В.П. 1998. Русская власть (теоретико-социологические проблемы). – Ростов-на-Дону, изд. Северо-Кавказского научного центра высшей школы. – С. 90–105.
- Макаренко В.П. 2016. О бюрократии в современной России. – *Философ и наука. Александр Павлович Огурцов*. Отв. ред. С.С. Неретина. – М.: Голос. – С. 318–359.
- Макаренко В.П. 2016. Александр Шмеман: радикальный контестатор на фоне религиозной каши. – *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. – № 2.
- Макаренко В.П. 2018. Насилие и политическая бюрократия. – Ростов-на-Дону, Изд. Южного федерального университета.
- Макаренко В.П. 2019. Генезис полемики о государственном интересе: концепт Мишеля Фуко. – *Гуманитарий Юга России*. – № 2.
- Макаренко В.П. 2016. Философская жизнь и концептуальная рутинa. – *Вопросы философии*. – № 1. – Доступно: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1333. – Проверено: 15.05.2019.
- Макаренко В.П. 2017. Историческая драма православия на фоне конфликта между истиной и политикой. – *Социологические исследования*. – № 7. – С. 141–150.
- Макинтайр А. 2000. *После добродетели: исследования теории морали*. Пер. с англ. В.В. Целищева. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга.
- Минуа Ж. 2001. Священное писание, война и сакральное. – *Философия права*. – № 1–2.

- Михайлин В. 2005. *Тропа звериных слов*. – М.: НЛЮ.
- Мюрберг И.И. 2010. Бернард Уильямс: преобразование этики в политическую философию свободы. – *История философии*. – № 15. – С. 102–110.
- Нольде Б.Э. 2013. *История формирования Российской империи*. Пер. с фр. Л.Ф. Сахибгареевой под ред. И.В. Кучумова. Отв. ред. В.А. Тишков. – СПб, «ДМИТРИЙ БУЛАНИН».
- Пастухов В.Б. 2011. Предчувствие гражданской войны. От «номенклатуры» к «клептократуре»: взлёт и падение «внутреннего государства» в современной России. – *Полис. Политические исследования*. – № 6. – С. 143–159.
- Пивоваров Ю.С. 2014. *Русское настоящее и советское прошлое*. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга.
- Подорога В.А. 2017. *Время после. Освенцим и ГУЛАГ: Мыслить абсолютное зло*. – М.: Рипол-Классик.
- Прот. Александр Шмеман... 2007. *Прот. Александр Шмеман. Дневники. 1973–1983*. Составление, подготовка текста У.С. Шмеман, Н.А. Струве, Е.Ю. Дорман. – М.: Русский путь.
- Рассел Д.Б. 2001. *Сатана. Восприятие зла в ранней христианской традиции*. – СПб, Евразия.
- Религия и общество... 2002. *Религия и общество: очерки религиозной жизни современной России*. Отв. ред. Филатов С.Б. – М.-СПб.
- Рубцов А.В. 2018а. Иллюзии деидеологизации. – *Философия и идеология: от Маркса до постмодерна*. – С. 98–129.
- Рубцов А.В. 2018б. Идеология и нарциссизм. Мании грандиозности: наблюдение, симптоматика, генезис. – *Философия и идеология: от Маркса до постмодерна*. – С. 130–146.
- Рубцов А.В. 2018в. Идеологи и нарциссы. Мифы всемогущества: рецидивы, обострения, эпидемии. – *Философия и идеология: от Маркса до постмодерна*. – С. 147–166.
- Семиряга М.И. 2000. *Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны*. – М.: РОССПЭН.
- Скиннер К. 2018. *Истоки современной политической мысли в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса*. Пер. с англ. А.А. Олейникова: под науч. ред. В.Е. Софронова. – М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС.
- Скиннер К. 2018. *Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 2: Эпоха Реформации*. Пер. с англ. А.А. Яковлева: под науч. ред. В.В. Софронова. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Солженицын А. 2015. *В круге первом*. – СПб: Азбука, Азбука-Аттикус.
- Соловьев Э.Ю. 2018. Идеология как объект философской критики. – *Философия и идеология: от Маркса до постмодерна*. Отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов, сост. А.В. Рубцов. – М.: Прогресс-Традиция. – С. 74–84.
- Соловьев Э.Ю. 2018. Философия как критика идеологий. – *Философия и идеология: от Маркса до постмодерна*. Отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов, сост. А.В. Рубцов. – М.: Прогресс-Традиция. – С. 21–72.
- Там, внутри... 2012. *Там, внутри: практики внутренней колонизации в культурной истории России*. Сост. И. Кукулин, Д. Уффельман, А. Эткинд. – М.: Новое литературное обозрение.
- Уильямс Б. 2010. От «свободы вообще» к политической свободе. – *История философии*. – № 15. – С. 111–129.
- Федотова В.Г. 1998. Анархия и порядок в контексте российского посткоммунистического развития. – *Вопросы философии*. – № 5. – С. 3–20.
- Философия и идеология... 2018. *Философия и идеология: от Маркса до постмодерна*. Отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов, сост. А.В. Рубцов. – М.: Прогресс-Традиция.

- Фирсов Б.М. 2008. *Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы*. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, Издательство Европейского дома.
- Хиршман А. 2010. *Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность*. Пер. с англ. Д.А. Узланера. – М.: Изд. дом Гос. ун-та - Высшей школы экономики.
- Хархордин О. 2011. *Основные понятия российской политики*. – М.: Новое литературное обозрение.
- Шаламов В.Т. 1998. *Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4*. – М.: Худож.лит., Вагриус.
- Шейнис В.Л. 2014. *Власть и закон: политика и конституция в России в XX–XXI веках*. – М.: Мысль.
- Эткинд А. 2013. *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России* / Авториз. пер. с англ. В. Макарова. – М.: Новое литературное обозрение.
- Ясперс К. 1999. *Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии*. – М.: Прогресс.
- Ferro M. 1997. *Historia kolonizacji*. – Warszawa, Bellona, Oficyna Wydawnicza VOLUMEN.
- Piasecki S. 2003. *Zapiski oficera Armii Czerwonej (od 17 wrzesnia 1939 r.)*. – Warszawa, Wyd. LTW. (Перевод на русский язык см.: http://samlib.ru/b/barshewskij_w_b/zapiskioficeraka.shtml. – (Две) стороны: латышские военные рассказы. Вторая мировая война в солдатских дневниках. Под ред. Виты Зелчи и Улдиса Нейбургса. – Рига, Mansards, 2013. Проверено: 14.02.2017.